

Оригинальная статья

УДК 316.44

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-105-122>

Блюз как символическое сопротивление и репрезентация контркультурных групп в США в конце XIX – начале XX вв.

Максим Павлович Замотин

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
jethro79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>*

Введение. В статье рассматривается музыкальная традиция блюза с позиции использования создателями этой формы культуры символических репрезентаций, которые формировали уникальное «скрытое послание», транслируемое определенными социокультурными группами, жившими и творившими в определенной исторической эпохе. Поскольку блюзовая традиция в США берет свое начало в негритянских общинах, то с точки зрения самопрезентации представителей этой группы доминирующей культуре можно говорить о музыке этого социально-культурного периода американской истории как инструменте донесения «скрытых посланий».

Методология и источники. Методологию и теорию составляет сравнительно-историческая методология в контексте изучения отношения господства и подчинения между группами и отдельными индивидами. Все подчиненные группы используют стратегии сопротивления, которые остаются незамеченными вышестоящими группами. Открытое, публичное взаимодействие между господствующими и угнетенными группами определяется термином «публичная декларация», а критику власти, которая происходит вне сцены, – «скрытым посланием». Формы скрытых посланий являются зашифрованными демонстрациями угнетаемых групп с целями сопротивления и противопоставления себя, своего образа жизни и трудностей неравенства группам доминантам.

Результаты и обсуждение. В контексте любых отношений господства-подчинения формировались пространства автономии угнетенных расовых и социальных групп, в которых имела возможность для самовыражения как актах сопротивления существующему неравенству, что находило выражение в песнях, народных сказках, одежде, языке и религиозном самовыражении. Разработка скрытых посланий зависит не только от создания относительно неконтролируемых физических мест и свободного времени, но и от активных человеческих агентов, которые их создают и распространяют. Носители, скорее всего, будут столь же социально маргинальными, как и места, где они собираются.

Заключение. Угнетенные или маргинализованные группы создают не просто свое искусство и культуру как социальной группы, оказавшейся в определенном культурном контексте, но культуру интеграции в общество, а также культуру взаимодействия с социальной иерархией, в которой, эти группы имеют довольно низкое положение. Группы, исключенные из процесса принятия решений, или же слабо вовлеченные в него, вырабатывают свои модели демонстрации своего присутствия в социуме, а также пытаются донести их содержание до всех остальных представителей общества, будь то близкие или далекие по статусу и иерархическому устройству группы и индивиды.

Замотин М. П., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: социология музыки, антропология музыки, скрытые послания, афроамериканская блюзовая музыкальная традиция, технология «зачаровывания»

Для цитирования: Замотин М. П. Блюз как символическое сопротивление и репрезентация контркультурных групп в США в конце XIX – начале XX вв. // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 105–122. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-105-122.

Original paper

Blues as a Symbolic Resistance and Representation of Countercultural Groups in the United States in the late 19 – early 20 centuries

Maksim P. Zamotin

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
jethro79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>*

Introduction. This article examines the blues music tradition from the perspective of the use of symbolic representations by the creators of this form of culture, which formed a unique “hidden transcripts” transmitted by certain socio-cultural groups that lived and worked in a certain historical era. Since the blues tradition in the United States originates in black communities, in terms of the self-representation of representatives of this groups to the dominant culture, we can talk about the music of this socio-cultural period of American history as an instrument for conveying “hidden transcripts”.

Methodology and sources. The author used the comparative-historical methodology in the context of studying the relationship of domination and subordination between groups and individuals. All subordinate groups use resistance strategies that go unnoticed by superior groups. Open public interaction between dominant and oppressed groups is defined by the term “public transcripts” and criticism of power that takes place offstage by the term “hidden transcripts”. Forms of hidden transcripts are coded demonstrations by oppressed groups to resist and oppose themselves, their way of life, and the difficulties of inequality to dominant groups.

Results and discussion. In the context of any dominance-subordination relationship, spaces of autonomy for oppressed racial and social groups were formed, in which there was an opportunity for self-expression as acts of resistance to existing inequality, which found its expression in songs, folk tales, clothing, language, and religious expression. The development of hidden transcripts depends not only on the creation of relatively uncontrollable physical places and free time, but also on the active human agents who create and disseminate them. The bearers are likely to be as socially marginalized as the places where they gather.

Conclusion. Oppressed or marginalized groups create not just their art and culture as a social group caught up in a certain cultural context, but a culture of integration into society, as well as a culture of interaction with the social hierarchy in which these groups have a rather low position. Groups excluded from the decision-making process or weakly involved in it, develop their own models for demonstrating their presence in society, and also try to convey their content to all other members of society, whether groups and individuals close or distant in status and hierarchy.

Keywords: sociology of music, anthropology of music, hidden transcripts, African-American blues music tradition, technology of enchantment

For citation: Zamotin, M.P. (2022), "Blues as a Symbolic Resistance and Representation of Countercultural Groups in the United States in the late 19 – early 20 centuries", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 105–122. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-105-122 (Russia).

Введение. Блюз как музыкальный жанр и исторически укорененное социокультурное явление представляет собой интерес для социальных ученых с самых разных точек зрения и перспектив. В то же время блюз как формирующая часть контркультуры американского общества 20-х гг. XX в., как символическая репрезентация и уникальное символическое послание до сих пор скрупулезно не рассматривался социологами музыки и социологами культуры.

Если мы посмотрим на этот жанр музыки как на социальное явление с точки зрения символических репрезентаций, то мы увидим на первый взгляд скрытые процессы, которые и послужили основой для создания особых форм репрезентаций и культурных кодов. Что именно скрывает в себе этот музыкальный жанр? Конечно, этот вопрос очень широк, и ответить на него практически невозможно в рамках одной статьи или даже в рамках одной книги. Поэтому, на мой взгляд, стоит поставить вопрос несколько иначе: что именно скрывает жанр блюза, если посмотреть на него как на символическое послание, транслируемое определенными социокультурными группами, жившими и творившими в определенную историческую эпоху?

Начать рассуждение следует с упоминания классических работ Джеймса Скотта, который стал известен благодаря своей теории «скрытых посланий». Данный подход ученый раскрывает в ряде работ, самые читаемые из которых – «Благими намерениями государства» и «Оружие слабых».

Методология и источники. Американский политолог и антрополог Джеймс К. Скотт, специализирующийся на сравнительной политике, обращаясь в своих работах к проблемам власти, господства и подчинения, утверждал, что все подчиненные группы используют стратегии сопротивления, которые остаются незамеченными вышестоящими группами. Скотт называет открытое, публичное взаимодействие между господствующими и угнетенными «публичной декларацией», а критику власти, которая происходит вне сцены, – «скрытым посланием». Группы, находящиеся под господством, не могут быть поняты только по их публичным действиям, которые могут казаться попустительскими. Чтобы изучить системы господства, необходимо обратить пристальное внимание на то, что скрывается под поверхностью очевидного, публичного поведения. Большую часть доказательств Скотт получает из исследований рабства, крепостного права и кастового подчинения. Он исходит из предпосылки, что связь дискурса с властью будет наиболее четко прослеживаться там, где расхождение между тем, что он называет публичной стенограммой и скрытой стенограммой, будет наибольшим.

Рассматривая его аналитическую стратегию, мы исходим из предпосылки, что структурно сходные формы господства будут иметь семейное сходство друг с другом. Это сходство в случаях рабства, крепостного права и кастового подчинения довольно простое. Каждый из них представляет собой институционализированный механизм присвоения труда, товаров и услуг, принадлежащих подчиненному населению. Формально подчиненные группы в этих формах господства не имеют политических или гражданских прав, а их статус фиксируется по рождению. Социальная мобильность в принципе, если не на практике,

исключена. Идеология, оправдывающая господство такого рода, включает формальные представления о неполноценности и превосходстве, которые, в свою очередь, находят выражение в определенных ритуалах или этикете, регулирующих общественные контакты между слоями. Несмотря на определенную степень институционализации, отношения между хозяином и рабом, помещиком и крепостным, высококастовым индусом и неприкасаемым являются формами личного правления, предоставляющими большую свободу для произвольного и капризного поведения вышестоящего. В этих отношениях обязательно присутствует элемент личного страха – страха, который может принимать произвольную форму избиений, сексуальной жестокости, оскорблений и публичных унижений. Конкретной рабыне, например, может повезти избежать такого обращения, но уверенность в том, что это может произойти с ней, пронизывает все отношения [1, р. xi]. Тем не менее подчиненные в таких масштабных структурах господства имеют социальное существование вне непосредственного контроля господина (или другого доминанта). Именно в таких изолированных условиях в принципе может развиваться общая критика господства.

Только что описанное структурное сходство является аналитически центральным для аргументов, которые приводит исследователь. Речь не идет об утверждении, что рабы, крепостные, неприкасаемые, колонизированные и порабощенные расы имеют общие неизменные характеристики. Эссенциалистские утверждения такого рода несостоятельны. Однако в той степени, в которой можно продемонстрировать, что структуры господства действуют сопоставимыми способами, они, при прочих равных условиях, будут вызывать реакции и модели сопротивления, которые также в целом сопоставимы. Так, рабы и крепостные обычно не осмеливаются открыто оспаривать условия своего подчинения. Тогда как среди своих они, скорее всего, создают и защищают социальное пространство, в котором вне сцены (Скотт использует метафоры сцены, актерства и т. п.) может быть озвучено несогласие с официальной расшифровкой властных отношений. Конкретные формы (например, языковая маскировка, ритуальные коды, таверны, ярмарки, «тишь да гладь» религии у рабов), которые принимает это социальное пространство, или конкретное содержание несогласия (например, надежды на возвращение пророка, ритуальная агрессия посредством колдовства, чествование героев-разбойников и мучеников сопротивления) настолько уникальны, насколько этого требуют конкретная культура и история рассматриваемых акторов.

Рабство, крепостное право, кастовая система, колониализм и расизм регулярно порождают практики и ритуалы принижения, оскорбления и нападения на тело, которые, похоже, занимают столь значительную часть «скрытых посланий» их жертв. Такие формы угнетения лишают подчиняемых обычной практики негативной взаимности: обмен пощечины на пощечину, оскорбления на оскорбление. Даже в случае современного рабочего класса оказывается, что ущемление достоинства и жесткий контроль над работой занимают такое же важное место в описаниях эксплуатации, как и более узкие вопросы труда и вознаграждения.

Как более успешно считать, интерпретировать и понимать часто скрываемое политическое поведение подчиненных групп? Как нам изучать отношения власти, когда бесправные часто вынуждены принимать стратегическую позу в присутствии сильных? Для этого следует обосновать необходимость иного изучения власти, которое выявляет противоречия, напряженность и имманентные возможности. Каждая подчиненная группа создает в результате своих испытаний «скрытое послание» (hidden transcript), которое представляет собой

критику власти, произнесенную за спиной этой самой власти. Господствующие группы, со своей стороны, также создают «скрытое послание», представляющее практики и претензии их правления, которые не могут быть открыто озвучены. Сравнение скрытого послания слабых и сильных, а также обоих скрытых посланий с публичной презентацией властных отношений предлагает существенно новый способ понимания сопротивления господству. Таким образом, в отсутствие возможности фактического восстания бесправные группы заинтересованы в сговоре с целью укрепления гегемонистских представлений.

«Скрытое послание» обычно выражается открыто, хотя и в замаскированной форме. Так мы можем интерпретировать слухи, сплетни, народные сказки, песни, жесты, шутки и театр бесправных как средства, с помощью которых, помимо прочего, они инсинуируют критику власти, скрываясь за анонимностью или за демонстративностью понимания своего поведения как безобидного. Эти модели маскировки идеологического неподчинения в некоторой степени аналогичны тем, с помощью которых крестьяне и рабы маскировали свои попытки помешать материальному присвоению их труда, их производства и их собственности: например, браконьерство, подножный корм, воровство, диссимуляция, бегство. Вместе эти формы неподчинения можно назвать инфраполитикой бессильных [1, р. xiii].

Многие из практик, которые считаются нормальными в обществе, требуют, чтобы мы регулярно обменивались любезностями и улыбались тем, о ком мы имеем мнение, не соответствующее нашему публичному представлению. Можно сказать, что власть социальных форм, воплощающих этикет и вежливость, часто требует от нас жертвовать откровенностью ради ровных отношений со знакомыми. Наше осмотрительное поведение может иметь и стратегическое измерение: человек, перед которым мы предстаем в ложном свете, может каким-то образом навредить или помочь нам.

В данном случае интерес представляет поведение, которое навязывалось на протяжении всей истории подавляющему большинству людей. Имеется в виду публичное представление, которое требуется от тех, кто подвергается тщательно разработанным и систематическим формам социального подчинения: рабочий – начальнику, арендатор или батрак – помещику, крепостной – господину, раб – хозяину, неприкасаемый – брамину, представитель подчиненной расы – представителю доминирующей расы. За редкими, но значительными исключениями, публичное выступление подчиненного будет определяться благоразумием, страхом и желанием добиться расположения, его формирование будет зависеть от соответствия ожиданиям власть имущих. Скотт использует термин *public transcript* («публичное послание») как сокращенный способ описания открытого взаимодействия между подчиненными и теми, кто доминирует.

Скотт отмечает, что часто в интересах обеих сторон существует негласный сговор, касающийся искажения информации. В рассказах рабов, дошедших до нас с Юга США, также говорится о необходимости обманывать: «Я старался вести себя так, чтобы не стать неприятным для белых жителей, зная их силу и враждебное отношение к цветным... Во-первых, я не выставлял напоказ то небольшое имущество или деньги, которыми владел, но во всех отношениях носил, насколько это было возможно, образ раба. Во-вторых, я никогда не казался даже таким умным, каким был на самом деле. Все цветные на юге, и свободные, и рабы, считают особенно необходимым для собственного комфорта и безопасности наблюдать за этим» [2, р. 9].

Обсуждение «публичного послания» обращает внимание на несколько вопросов в отношениях власти, каждый из которых исходит из того, что «публичное послание» – это не вся история. Во-первых, «публичное послание» – это безразличный проводник мнения угнетаемых. По крайней мере, оценка отношений власти между сильными и слабыми, заимствованная непосредственно из «публичного послания», может изображать почтение и согласие, которые, возможно, являются лишь тактикой. Во-вторых, в той степени, в которой доминирующие группы подозревают, что «публичное послание» может быть «всего лишь» спектаклем, они будут сомневаться в его подлинности. От такого скептицизма до распространения среди многих доминирующих групп мнения о том, что те, кто ниже их по положению, обманщики, притворщики и лжецы по своей природе, всего один шаг. Наконец, сомнительное значение «публичного послания» указывает на ключевые роли, которые играют маскировка и наблюдение в отношениях власти. Подчиненные демонстрируют почтение и согласие, одновременно пытаясь разглядеть, прочесть истинные намерения и настроение потенциально угрожающей власти. Как гласит любимая пословица ямайских рабов: «Играй в дурака, чтобы поймать мудрого» [3, р. 338].

Если подчиненный дискурс в присутствии доминанта является «публичным посланием», Скотт использует термин «скрытое послание» для характеристики дискурса, который происходит «за сценой», вне прямого наблюдения власть имущих. Таким образом, «скрытое послание» является производной в том смысле, что оно состоит из тех речей, жестов и практик вне сцены, которые подтверждают, противоречат или изменяют то, что является в «публичном послании». Отношения власти не настолько прямолинейны, чтобы мы могли назвать то, что говорится в контекстах, нагруженных властью, ложью, а то, что говорится вне сцены, правдой. Также некорректно будет упрощенно описывать первое как царство необходимости, а второе – как царство свободы. Однако несомненно то, что «скрытое послание» создается для другой аудитории и при других ограничениях власти, чем «публичное послание». Оценивая расхождения между скрытым и публичным посланием, мы можем начать судить о влиянии господства на публичный дискурс.

Интересны иллюстрации возможного драматического расхождения между публичной и скрытой стенограммами. Первая иллюстрация взята из истории рабства на Юге США в эпоху антебеллума. Мэри Ливермор, белая гувернантка из Новой Англии, рассказала о реакции Агги, обычно неразговорчивой и почтительной чернокожей кухарки, на побои, которым хозяин подверг ее дочь. Дочь обвинили, очевидно, несправедливо, в какой-то мелкой краже, а затем избили, пока Агги смотрела на это, не имея сил вмешаться. После того как хозяин наконец покинул кухню, Агги повернулась к Мэри, которую считала своей подругой, и сказала: «Наступает день! Наступает день! <...> Я слышу грохот колесниц! Я вижу вспышки пушек! Кровь белых людей течет по земле, как лента, а мертвые лежат кучами! <...> О, господь! Скорей бы настал тот день, когда удары, и синяки, и боли, и ломота придут к белым людям, и канюки съедят их, когда они будут лежать мертвыми на улицах. О Лор, катись на колесницах, дай черным людям покой и мир. О, господь! Дай мне удовольствие жить до того дня, когда я увижу, как белых людей перестреляют, как волков, когда они придут голодными из леса» [4, р. 313].

«Скрытое послание» Агги полностью противоречит ее публичной декларации тихого послушания. Что особенно поражает, так это то, что это не просто произвольный крик

ярости; это тонко нарисованный и очень наглядный образ апокалипсиса, день мести и триумфа, мир, перевернутый с ног на голову с использованием культурного сырья религии белого человека.

Изучая разнообразные формы и способы реализации скрытых посланий, мы могли бы более успешно читать, интерпретировать и понимать часто ускользающее политическое поведение подчиненных групп. Скотт обращает внимание на свои длительные попытки понять политику сопротивления бедных малайских крестьян изменениям в производстве риса, которые систематически работали в ущерб их интересам. Учитывая власть землевладельческой элиты и чиновников, борьба, которую вели бедняки, была неизбежно осторожной. Вместо того, чтобы открыто восставать или публично протестовать, они выбрали более безопасный путь анонимных нападений на собственность, браконьерства, очернения тех (своих), кто нарушает правила и практики изгнания. Они благоразумно избегали, за редким исключением, необратимых актов публичного неповиновения.

Понимая, как строится публичная декларация, как она поддерживается и каким целям служит, мы сможем ответить на вопросы, почему публичные представления почтения и лояльности так важны в отношениях власти, и кто является аудиторией для этого символического показа. Публичная декларация – это, образно говоря, автопортрет доминирующей элиты, как бы они сами себя увидели. Учитывая обычную власть доминирующих элит принуждать к выступлениям других, дискурс публичной декларации – это явно одностороннее обобщение. Оно призвано произвести впечатление, утвердить и натурализовать власть доминирующих элит, а также скрыть или эвфемизировать «грязное белье» их правления. Однако для того, чтобы этот лестный автопортрет имел хоть какую-то риторическую силу среди подчиненных групп, он обязательно должен подразумевать некоторые уступки их предполагаемым интересам. Иными словами, правители, стремящиеся к гегемонии в грамшианском понимании этого термина, должны идеологически обосновать, что они правят в какой-то степени от имени своих подданных.

Самой безопасной и публичной формой политического дискурса является та, которая берет за основу лестное самовосприятие элит. Благодаря риторическим уступкам, содержащимся в этом самообразе, он предлагает удивительно широкую арену для политического конфликта, который апеллирует к этим уступкам и использует пространство для интерпретации в рамках любой идеологии. Например, даже идеология белых рабовладельцев на американском Юге в предвоенные годы включала определенные патерналистские изыски в отношении ухода, питания, жилья, одежды рабов и их религиозного воспитания. Практика, конечно, была совсем другой. Однако рабы могли использовать это небольшое риторическое пространство в политических целях, требуя садовых участков, лучшего питания, гуманного обращения, свободы передвижения на религиозные службы и т. д. Таким образом, некоторые интересы рабов могли найти свое отражение в господствующей идеологии, не выглядя при этом ни в малейшей степени подстрекательскими.

Второй и резко контрастирующей формой политического дискурса является «скрытое послание». Здесь, вне сцены, где подчиненные могут собираться вдали от пугающего взгляда власти, возможна резко диссонирующая политическая культура. Рабы в относительной безопасности своих помещений могут говорить слова гнева, мести, самоутверждения, которые они обычно должны подавлять в присутствии господ.

Далее, существует третья сфера политики подчиненных групп, которая стратегически лежит между первыми двумя. Это политика маскировки и анонимности, которая ведется на глазах у всех, но призвана иметь двойной смысл или скрывать личность действующих лиц. Слухи, сплетни, народные сказки, шутки, песни, ритуалы, коды и эвфемизмы – значительная часть народной культуры подчиненных групп – подходят под это описание. В качестве примера можно привести истории о кролике Брере, которые рассказывали рабам, и сказки о трикстерах в целом. На одном уровне это всего лишь невинные истории о животных; на другом уровне они, кажется, воспевают хитрость и мстительный дух слабых, когда они торжествуют над сильными.

Наконец, самая взрывоопасная сфера политики – это разрыв политического санитарного кордона между скрытыми и публичными посланиями, когда стирается различие, и до этого скрытая стенограмма становится публичной.

Отдельное внимание Скотт уделяет феномену, который он обозначает словосочетанием «инфраполитика подчиненных групп». Под этим он подразумевает широкий спектр малозаметных форм сопротивления, которые не осмеливаются говорить от своего имени. Понимание сути этой инфраполитики, ее маскировки, ее развития и ее отношений с публичной декларацией может помочь нам прояснить несколько сложных проблем в политическом анализе. Кроме того, пристальное внимание к политическим актам, которые замаскированы или находятся вне сцены, помогает нам наметить сферу возможного несогласия.

Описанные формы господства являются институционализированными средствами извлечения труда, товаров и услуг из подвластного населения. Они воплощают формальные представления о превосходстве и неполноценности, часто в тщательно продуманной идеологической форме, и достаточная степень ритуала и «этикета» регулирует общественное поведение в них. По крайней мере, в принципе, статус в этих системах господства присваивается по рождению, мобильность практически нулевая, а подчиненным группам предоставляются лишь немногие политические или гражданские права. Несмотря на высокую степень институционализации, эти формы господства обычно содержат сильный элемент личного правления. Здесь имеется в виду большая свобода для произвольного и капризного поведения хозяина по отношению к рабу, господина – к крепостному, брамина – к неприкасаемому. Таким образом, эти формы господства пронизаны элементом личного террора, который может принимать произвольные формы избиения, сексуального насилия и других оскорблений и унижений. Независимо от того, произойдет ли это с конкретным подчиненным или нет, постоянное знание о том, что это может произойти, накладывает отпечаток на отношения в целом. Наконец, как и в большинстве масштабных структур господства, подчиненная группа имеет довольно обширное социальное существование вне сцены, что в принципе дает ей возможность выработать общую критику власти.

Любая модель стратификации дает достаточно надежное представление о том, кто отдает приказы и кто получает приказы в этом обществе. Одним из важных скрепляющих эти отношения элементов является феномен «почтение». В контексте нашего рассуждения можно совершить серьезную ошибку, если делать выводы об убеждениях или взглядах кого-либо только на основании того, что он или она совершили какой-либо явно выраженный акт почтения. Скотт отмечает, что у нас нет никаких оснований для такого вывода, и термин

«почтение» лучше всего рассматривать как «форму социального взаимодействия, которая возникает в ситуациях, связанных с осуществлением традиционной власти» [1, р. 24]. Нет сомнений в том, что акты почтения – например, приветственный поклон или использование почетного имени начальника при обращении к нему – в некотором смысле призваны создать внешнее впечатление соответствия стандартам, поддерживаемым начальством. Остальные возможные выводы с большой вероятностью будут являться домыслом. Действие может совершаться почти автоматически, как ритуал или привычное действие; оно может быть результатом расчета своих преимуществ; это может быть успешная маскировка; оно может проистекать из сознательного желания оказать честь уважаемому начальнику. Кроме того, поскольку большинство актов почтения – это рутинизированные действия по отношению к обладателю определенного статуса, часто возникает желание отличить отношение к человеку от отношения к статусу в целом.

В любой сложившейся структуре господства легко представить, что подчиненные группы социализируются своими родителями в ритуалах почитания, которые уберегут их от вреда. Жестокий парадокс рабства, например, заключается в том, что в интересах матерей-рабынь, чье главное желание – сохранить своих детей в безопасности и рядом с собой, – обучение их действиям соответствия. Из любви они обязуются социализировать своих детей так, чтобы угодить или, по крайней мере, не разозлить своих господ. Насколько глубоко проникает этот конформизм и сколько закулисных обид и цинизма, которые могут окрашивать его, лежат в основе спектакля, невозможно сказать только на основании поверхностных данных.

Властные отношения, возникающие между подчиненными группами, часто являются единственной силой, противодействующей определению поведения сверху. Скотт определяет предполагаемые положения дискурса публичных и скрытых посланий согласно группам господства и подчинения (рисунок) [1, р. 26].

Суровый хозяин или надсмотрщик	Снисходительный хозяин или надсмотрщик	Белые, не имеющие прямой власти	Рабы и свободные чернокожие	Рабы одного хозяина	Самые близкие друзья- рабы	Непосредственно семья
--------------------------------------	--	---------------------------------------	-----------------------------------	---------------------------	-------------------------------------	--------------------------

1-----1 1-----1

Публичные послания

Скрытые послания

Предполагаемые местоположения дискурса, упорядоченные по социальным группам людей,
в контексте рабства

Hypothetical discursive sites, arranged by audience, under slavery

Фермеры-арендаторы в малайзийской деревне, которую изучал Скотт, выработали между собой сильную норму, осуждающую любого, кто попытается получить или расширить свой участок, предложив лэндлорду более высокую сезонную арендную плату, чем платил нынешний местный арендатор. Когда кто-то нарушает эту норму, о его семье плохо отзываются, с ними не разговаривают и не приглашают на пиры ни родственники, ни друзья обиженной семьи.

Сила санкций, применяемых для принуждения к соответствию, в основном зависит от сплоченности подчиненной группы и от того, насколько угрожающими будут считаться их нарушения. Такие случаи являются примерами более или менее принудительного давления, которое может быть создано для контроля и управления отклонениями внутри подчиненной группы.

Диалектическая взаимосвязь между публичными и скрытыми посланиями очевидна. По определению, скрытое послание представляет собой дискурс – жесты, речь, практики, –

который обычно исключается из публичного послания подчиненных в результате осуществления власти. Практика господства, таким образом, создает скрытое послание. Если господство особенно сурово, оно, скорее всего, породит скрытое послание соответствующей насыщенности. Скрытое послание подчиненных групп, в свою очередь, реагирует на публичную декларацию, порождая субкультуру и противопоставляя свой собственный вариант социального господства форме господствующей элиты. Обе эти сферы являются сферами власти и интересов.

Язык также является неотъемлемой частью формирования и наполнения властного дискурса. В обществах с давно сложившейся культурой суда разрабатываются сложные коды для уровней речи, которые в крайних случаях могут представлять собой почти отдельный язык. Здесь гиперкорректность подчиненных институционализируется лингвистически. Сильные следы таких кодов сохранились в различиях между саксонским и нормандским английским: саксонские простолюдины ели, а нормандские завоеватели обедали. В Малайзии множество специальных глаголов различают вполне обычные действия, когда их совершает султан: простолюдины купаются, султан орошает себя; простолюдины идут, султан продвигается (подразумевается плавное, скользящее движение); простолюдины спят, султан откидывается. Местоимения также изменяются, как и в большинстве высоко стратифицированных обществ, в зависимости от относительного статуса говорящих. Когда простолюдин обращается к султану, он использует термин «хамба», что переводится примерно как «ваш раб», и он традиционно подходит к трону в позе презренного смирения. Любая встреча, когда сталкиваются люди разного статуса в таких обществах, призвана подчеркнуть и усилить эти различия с помощью правил языка, жестов, тона и одежды [1, р. 31].

Если та сторона общественной декларации, которую мы рассмотрели, служит либо для того, чтобы превознести благоговение, с которым относится к доминирующей элите, либо для того, чтобы скрыть от общественности определенные социальные факты, то другая сторона предназначена для того, чтобы «косметически» украсить те аспекты власти, которые невозможно отрицать. Скотт для описания этого процесса использует термин Бурдые «эвфемизация». Когда в языке встречается эвфемизм, это почти безошибочный признак того, что человек наткнулся на деликатную тему. Эвфемизмы используются, чтобы скрыть то, что оценивается негативно или могло бы вызвать смущение, если бы было заявлено более откровенно.

Навязывание эвфемизмов публичной декларацией играет определенную роль, маскируя многие неприятные факты господства и придавая им безобидный или санитованный вид. В частности, они призваны затушевать использование принуждения. Простой список эвфемизмов, которые приходят на ум, вместе с более грубыми, альтернативными терминами, проиллюстрирует их политическое использование:

- «умиротворение» – для вооруженного нападения и оккупации;
- «успокоение» – для заключения в кандалы;
- «смертная казнь» – для государственной казни;
- «лагерь перевоспитания» – для тюрьмы для политических противников;
- «торговля черным деревом» – для торговли рабами в XVIII в.

Первый термин в каждой паре навязывается доминантой публичного дискурса либо для того, чтобы придать благодушный вид деятельности или факту, который многих морально

оскорбил бы. В результате более наглядные описания обычным языком не одобряются и часто изгоняются из сферы официального дискурса.

Эвфемизмы в широком смысле – корыстная подгонка описаний и представлений, осуществляемая доминирующими властями, – не ограничиваются языком. Это можно увидеть в жестах, архитектуре, ритуальных действиях, публичных церемониях, любых других действиях, в которых власть имущие могут изображать свое господство так, как они хотят. В совокупности эвфемизмы создают лестный автопортрет доминирующей элиты.

Также активно используется механизм стигматизации. Во многих случаях стигматизации прослеживается определенная закономерность. Бунтарей или революционеров называют бандитами, преступниками, хулиганами, пытаясь таким образом отвлечь внимание от их политических требований. Религиозные практики, которые встречают неодобрение, могут быть названы ересью, сатанизмом или колдовством.

Конструируя механику взаимодействия властных и подчиненных групп, Скотт обращает внимание на ритуализацию действий. Если ритуалы подчинения неубедительны в смысле получения согласия подчиненных на условия их подчинения, то они могут быть убедительны в других отношениях. Например, они являются средством демонстрации того, что, нравится вам это или нет, данная система господства стабильна, эффективна и сохранится. Ритуальное подчинение, надежно извлекаемое из нижестоящих, буквально сигнализирует о том, что нет другого реального выбора, кроме подчинения. В сочетании с образцовым наказанием за случайный акт неповиновения, эффективная демонстрация подчинения может достичь своего рода драматизации властных отношений, которую не следует путать с идеологической гегемонией в смысле активного согласия. Здесь решающее значение приобретает различие между публичным посланием раба и декларацией господина. Раб, в конце концов, более или менее знает, какие установки и ценности лежат в основе его собственных поклонов и (менее достоверно) что лежит в основе поведения других рабов в его кругу. Чего он не может знать с такой же достоверностью, так это степень силы, уверенности в себе, единства и решимости своего хозяина или хозяев в целом. Расчеты, которые рабы делают ежедневно, приспособляя свое поведение к реалиям власти, частично зависят от их оценки сплоченности и целеустремленности их хозяев. До тех пор, пока подчиненные группы не могут надежно и полностью проникнуть в скрытое послание власть имущих, они вынуждены делать выводы из текста власти, представленного им в открытой декларации. Поэтому у доминирующей стороны есть все основания контролировать публичную декларацию, чтобы порицать любые признаки раскола или слабости, которые, казалось бы, повышают шансы тех, кто готов ужесточить сопротивление господству или рискнуть открыто не повиноваться.

Сопrotивление, таким образом, возникает не просто из-за материального присвоения, а из-за модели личных унижений, которые характеризуют эту эксплуатацию. Если изъятие рабочей силы или зерна у подчиненного населения имеет нечто общее, то форма личного господства, скорее всего, будет гораздо более культурно специфичной и конкретной. Предлагаемая здесь точка зрения не означает игнорирование присвоения. Напротив, она расширяет поле зрения. Например, в понимании опыта рабства принудительный труд будет не более привилегированным, чем побои, оскорбления, сексуальное насилие и принудительное самоуничижение.

Если личный аспект подчинения имеет решающее значение для относительно безличных форм наемного труда, выполняемого работниками, которые пользуются политическими правами и формально могут уволиться с работы, то он должен быть гораздо более значимым для тех форм господства, которые являются более прямыми и личными. Другой аспект их работы, который вызывает глубокое возмущение, – это их убеждение в том, что им не дают того минимального признания, которого они заслуживают как человеческие существа на работе. Как пишет Р. Сеннетт: «В то же время снова и снова в наших беседах люди выражали сильное негодование по поводу того, что с ними “обращаются как с ничтожеством”, “обращаются как с грязью”, “как с частью деревянной конструкции”. Как человеку сделать себя видимым?» [5, р. 97].

Достоинство – это одновременно очень частный и очень публичный атрибут. Человек может испытать унижение, причиненное другим, несмотря на то, что никто больше этого не видит и не слышит. Однако совершенно ясно, что любое оскорбление усугубляется, если оно наносится публично. Оскорбление, презрительный взгляд, физическое унижение, посягательство на характер и положение человека, грубость почти всегда гораздо больнее, когда они происходят на глазах у публики. Кто же именно составляет аудиторию, перед которой оскорбление наносит наибольший ущерб? Видимо, это именно та аудитория, перед которой достоинство человека, его положение как личности наиболее важно, так как оно является социальным источником чувства собственного достоинства. В частности, в этот круг входят ближайшие родственники, друзья, соседи, коллеги и сверстники и, в особенности, собственные подчиненные, с которыми человек находится во властных отношениях.

Хотя скрытое послание нельзя назвать правдой, которая противоречит лжи, сказанной власти, правильнее будет сказать, что скрытое послание – это самораскрытие, которое властные отношения обычно исключают из официальной декларации.

Поскольку основные исторические формы господства предстали в виде метафизики, религии, мировоззрения, они спровоцировали развитие более или менее одинаково продуманных ответов в скрытом послании, что нашло выражение через так называемое «идеологическое отрицание». Насколько основательным может быть это отрицание, видно из того, что мы знаем о разнице между публичным христианством, которое проповедовали рабам их хозяева на Юге США в эпоху антебеллумов, и религией, которую они исповедовали, когда не находились под наблюдением [4]. На публичных религиозных службах, проводимых хозяином или кем-то, предоставленным им, рабы должны были контролировать свои жесты, мимику, голос и общее поведение: вне этого наблюдения и в «тихих беседках», где использовался целый ряд приспособлений для предотвращения распространения звука (например, кричали в опрокинутые горшки), царила совершенно другая атмосфера – освобождения от постоянной опеки господства, – позволявшая танцевать, кричать, хлопать, участвовать. Автономная религия рабов не просто отрицала стиль официальных служб, она противоречила и их содержанию.

Рабы редко были настолько удачливы, чтобы открыто демонстрировать свое несогласие таким образом. Однако не вызывает сомнений, что их религиозные убеждения часто отрицали смирение и терпимость, которые проповедовали им белые. Бывший раб Чарльз Болл отмечал, что рай для черных был местом, где они будут отомщены за своих врагов, и что

«краугольным камнем» черной религии была «идея революции в условиях жизни белых и черных» [4, р. 291].

Когда мы переходим к рассмотрению социальных площадок, на которых появляется скрытое послание, будет полезно помнить о нескольких моментах. Во-первых, скрытое послание – это социальный продукт и, следовательно, результат властных отношений между подчиненными. Во-вторых, как и народная культура, скрытое послание не имеет реальности в виде чистой мысли; оно существует только в той мере, в какой практикуется, артикулируется, реализуется и распространяется в этих внесценических социальных местах. В-третьих, социальные пространства, в которых развивается скрытое послание, сами по себе являются достижением сопротивления; они завоевываются и защищаются «зубами» власти.

Социальные места скрытого послания – это те места, в которых невысказанный ответ будет наименее подавлен при выполнении двух условий: во-первых, когда он озвучивается в изолированном социальном месте, где контроль, наблюдение и репрессии доминирующего наименее доступны, и, во-вторых, когда эта изолированная социальная среда полностью состоит из близких доверенных лиц, разделяющих схожий опыт доминирования. Первое условие – это то, что позволяет подчиненным вообще свободно говорить, а второе гарантирует, что в их общей подчиненности им есть о чем говорить.

Результаты и обсуждение. Для любого отношения доминирования должно быть возможным определение континуума социальных объектов, ранжированных в зависимости от того, насколько сильно или слабо они патрулируются доминирующими элитами. Предполагается, что наименее патрулируемые, наиболее автономные участки будут наиболее вероятными местами для восстановления скрытого послания. Например, в американском рабстве эпохи антебеллумов контроль, очевидно, был наиболее выражен в организации трудовой жизни – месте прямого присвоения труда – и в публичных демонстрациях господства и почтения. Таким образом, социальная автономия рабов была сведена к минимуму перед белыми, в большом доме и во время работы. За пределами этой строго патрулируемой сферы существовали области большей автономии в рабских кварталах, в кругу семьи и друзей, что находило выражение в народных сказках, одежде, языке, песнях и религиозном самовыражении. Еще дальше от центра пристального наблюдения находились социальные пространства, наиболее эффективно огражденные от господства, которые можно считать привилегированными местами для скрытого послания. Сюда можно отнести огороженные и охраняемые от вторжения «хозяев» беседки, где в относительной безопасности обсуждались защищенная речь, пение, религиозный энтузиазм, мечты об избавлении, планы побега, планы восстания, тактика воровства и т. д.

Разработка скрытых посланий зависит не только от создания относительно неконтролируемых физических мест и свободного времени, но и от активных человеческих агентов, которые их создают и распространяют. Носители, скорее всего, будут столь же социально маргинальными, как и места, где они собираются. Поскольку то, что считается социально маргинальным, сильно зависит от культурных определений, носители будут сильно различаться в зависимости от культуры и времени.

Если немного отойти от конкретных групп в конкретной культурной среде, то можно сказать нечто более общее о главных носителях скрытых посланий. Это не просто вопрос

их аномального или низкого социального положения. Они также, скорее всего, занимаются ремеслами или профессиями, которые способствуют физической мобильности. Как путешественники они часто служат культурными посредниками и социальной связью между подчиненными сообществами, оставаясь сами менее социально привязанными и, следовательно, более автономными. Многие из этих групп напрямую зависят от покровительства низших слоев населения. Священнослужитель, который вынужден полагаться на народную благотворительность, или музыкант, который ожидает, что его слушатели будут кормить его и давать небольшие пожертвования, скорее всего, передадут культурное послание, которое не противоречит мнению их публики.

В отношении появления и развития музыкальной блюзовой традиции североамериканского Юга методология Скотта удивительно подходит для интерпретации и объяснения через скрытые послания формы сопротивления и протеста против культурного и политического доминирования белых. Личное и коллективное унижение большой расовой и социальной группы инициировало самосознание людей через формы искусства, которыми, в частности, являлись музыка и лирика песенной традиции. В этих скрытых посланиях зашифровывались различные образы освобождения от запретов и тотального контроля (сначала в эпоху рабства, затем во время формальной свободы). Транслируя и декларируя свое отношение к социальному устройству, при котором «цветные» определялись как люди «второго сорта», блюз и джаз стали завоевывать в зарождающейся массовой («белой» и европейской по своим установкам господствующего класса) культуре США свое место. Инструментом и механизмом такого продвижения оказались не только сила этих музыкальных стилей (эта музыка нашла своего интернационального слушателя), но и экономическое и идеологическое воплощение капиталистической культуры – мода и грамзапись.

Заключение. В целом мы видим, что так называемые угнетенные или же маргинализованные группы создают не просто свою культуру социальной группы, оказавшейся в определенном культурном контексте, но культуру интеграции в общество, а также культуру взаимодействия с социальной иерархией, в которой эти группы имеют довольно низкое положение. Группы, исключенные из процесса принятия решений или же слабо вовлеченные в него, вырабатывают собственные модели демонстрации своего присутствия в социуме, а также пытаются донести их содержание до всех остальных представителей общества, будь то близкие или далекие по статусу и иерархическому устройству группы и индивиды.

Символическая репрезентация, выраженная в музыке и музыкой блюза, в свете этого подхода становится в один ряд с магией вуду, изобретенной рабами в США как культура управления белым населением, в качестве противостояния и демонстрации «силы слабых». О магии как о практике властных отношений было сказано довольно много и прежде всего антропологами. Например, Хоббисы полагают, что «магия неотделима от современности, и уж точно не ее бинарная оппозиция, но нечто показательное о властных отношениях в общем» [6].

Более того, символические репрезентации стоит рассматривать как своего рода технологии, позволяющие группам достигать определенных целей, в основном связанных не только с декларацией своего жизненного положения, но и с его последующим изменением. Так с какого рода символическими репрезентациями как технологиями мы имеем дело, если обращаемся к блюзу?

Антрополог Альфред Гелл рассуждает о «технологическом человеке» следующим образом: «Особенности нашего вида и были таковыми с очень ранней эволюции, если не с самого начала. Это больше невозможно утверждать, что “использование инструментов” является исключительно “человеческой” характеристикой, потому что существуют четкие традиции использования инструментов, традиции использования инструментов среди приматов, особенно шимпанзе, и более рудиментарные примеры использования инструментов среди некоторых других видов. Однако люди разработали “технологические” средства для реализации своих интересов в беспрецедентной степени. Но что такое “технология”? и как она соотносится с другими видами? какими характеристиками мы обладаем? Ответы, которые были предложены на этот вопрос, страдают от предвзятости, проистекающей из ошибочного представления о том, что получение средств к существованию из окружающей среды является основной проблемой, которую технология позволяет нам преодолеть. Технология отождествляется с “инструментами”, а “инструменты” – с артефактами, такими как топоры и скребки, которые, как предполагается, были импортированы в “поисках пищи”. Эти “поиски пищи” представлялись как серьезное, связанное с жизнью или смертью, дело, а использование технологий как столь же “серьезное” дело. Homo technologicus – это рациональное, разумное существо, а не мифопоэтическое или религиозное существо, которым человек становится только тогда, когда он отказывается от поиска “технических” решений для своих проблем и уходит в царство фантазий и пустых спекуляций» [7].

Автор, таким образом, кажется, противопоставляет технологию и всё, что связано с мифологическим мышлением и восприятием, куда большинство отнесло бы и магию как социокультурный феномен, и традиционные практики и восприятия. Тем не менее автор продолжает свои рассуждения совершенно иным образом: «Знание существует только в определенном социальном контексте. Технология неразрывно связана с различными сетями социальных отношений, которые позволяют передачу технических знаний и обеспечивают необходимые условия для сотрудничества между людьми в технической деятельности. Но нельзя останавливаться даже на этом, потому что цели технического производства формируются под влиянием социального контекста. Техника в самом широком смысле – это те формы социальных отношений, которые делают социально необходимым производить, распределять и потреблять товары и услуги, используя “технические процессы» [Ibid., p. 7]. Технологии включают самый разный спектр технических процессов, включая «техники тела», о которых писал М. Мосс.

Гелл предлагает рассмотреть технологии в трех направлениях и выделяет технологии производства, перепроизводства и зачаровывания (enchantment). Последнее представляет особый интерес. Гелл пишет, что «люди научились ловить животных и использовать их в своих целях, используя ряд психологических техник, но эти технологии зачаровывания примитивны по сравнению с психологическим оружием, которое человек использует для контроля над мыслями и действиями других людей. Технология зачаровывания – самая сложная из тех, которыми мы владеем. Под этим заголовком я помещаю все те технические стратегии, особенно искусство, музыку, танцы, риторику, подарки и т. д., которые люди используют для того, чтобы добиться согласия других людей на свои намерения или проекты. Эти технические стратегии, которые, конечно, практикуются постоянно, используют

врожденные или производные психологические предубеждения, чтобы очаровать другого человека и заставить его/ее воспринимать социальную реальность в противоположном направлении – против социальных интересов зачарованного <...> Моя нынешняя цель не в том, чтобы исследовать область технологий зачаровывания, но лишь указать на то, что она существует и что ее следует рассматривать не как отдельную область, то есть “искусство”, противопоставленную технологии, а как технологию саму по себе <...> Магия является или была, несомненно, аспектом каждой из трех технологий, которые я выделил, то есть технологий производства, воспроизводства и психологического манипулирования, или “очарования”. Но магия отличается от этих технологий, каждая из которых включает в себя эксплуатацию причинных свойств вещей и психологических диспозиций людей, которые, конечно же, входят в число их причинных свойств. В то время как магия является “символической”.

Естественно, говоря об этом, Гелл отмечает, что в последнее время ведутся длительные дебаты и что не все согласны с тем, что магия вообще является «символической»; поскольку ее можно интерпретировать как попытку использовать духов или квазифизические магические силы для вмешательства (причинно) в природу. Существует множество свидетельств в поддержку этой точки зрения, которая часто является правильной с точки зрения культурной интерпретации, поскольку ничто не освобождает людей от необходимости придерживаться хотя бы полупринятых каузальных верований. Антрополог придерживается мнения, что магия как дополнение к техническим процедурам сохраняется, потому что она служит символическим целям, т. е. когнитивным. «Магическая мысль формализует и кодифицирует структурные особенности технической деятельности, навязывая ей рамки организации, которые регулируют каждый последующий этап сложного процесса... Пропагандисты, имиджмейкеры и идеологи технологической культуры являются ее волшебниками, и если они не заявляют о своих сверхъестественных способностях, то только потому, что сама технология стала настолько мощной, что у них попросту нет необходимости делать это. И если мы больше не признаем магию в явном виде, то только лишь потому, что технология и магия для нас – одно и то же» [7, р. 9].

Блюз, таким образом, является скрытым символическим посланием, которое намеренно используется своими создателями как технология зачаровывания. Более того, блюз в этом ключе представляет собой глубоко эмоциональное явление. Скорее, он направлен на то, чтобы производить и воспроизводить эмоции особого толка. Главная цель блюза – вовлечь слушателя в эмоциональное проживание и переживание жизни людей определенного класса. Результатом этого переживания должно стать сопереживание, ведущее к другой стороне, стороне культурных групп, создавших его в виде музыкального произведения.

Технологии зачаровывания для животных основываются на мимикрии их жизнедеятельности и окружающей среды. Например, арктический охотник изображает из себя тюленя, одеждой и телесными движениями, а белая натянутая простыня, сквозь которую торчит ружье – льдину. Жертва обманута, она зачарована перформансом и уже не видит разницы между природной средой и созданным для нее спектаклем. Цель технологии зачаровывания достигнута – охотник вернется домой с добычей, мясо и шкура пойдет в оборот культурной системы реципрокации и обмена и заведет колесо других символических посланий, помимо того, что директивно послужит удовлетворением основных потребностей

жизнеобеспечения. Очарованный примитивной технологией в данном случае становится ресурсом выживания ценой своей жизни.

Технология зачаровывания, нацеленная на людей, куда более сложна и развита, а технологию, созданную одной группой и направленную на другие группы и даже классы, можно уверенно назвать «нанотехнологий». Блюз предлагает свою магию, но магию не обмана, а вовлечения в красоту страданий человека маргинального положения, красоту поиска решений в сложнейших жизненных ситуациях, при которых воля к жизни и уважение к себе остаются непоколебимыми. С помощью создания сложнейших образов, текстов и перформансов блюз становится нанотехнологией зачаровывания, целью которой является не только сохранение и воспроизводство групп, ее создавших, но и привилегированные классы, которые через это проникновение и очарование блюзом жертвуют своими групповыми интересами ради создателей этого искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. NH; London: Yale Univ. Press, 1990.
2. Osofsky G. *Puttin 'on Ole Massa: The Slave Narratives of Henry Bibb, William Wells, and Solomon Northrup*. NY: Harper & Row, 1969.
3. Patterson O. *Slavery and Social Death: A Comparative Study*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1982.
4. Raboteau A. J. *Slave Religion: The «Invisible Institution» of the Antebellum South*. NY: Oxford Univ. Press, 1978.
5. Sennett R., Cobb J. *The Hidden Injuries of Class*. NY; London: W. W. Norton & Company, 1993.
6. Hobbis G., Hobbis S. «Mon Dieu», Bourdieu: The Magic of the Academy and its Ancestral Cults // *Anthropologica*. 2013. Vol. 55, № 2. P. 441–453.
7. Gell A. Technology and Magic // *Anthropology Today*. 1988. Vol. 4, № 2. P. 6–9. DOI: <https://doi.org/10.2307/3033230>.

Информация об авторе.

Замотин Максим Павлович – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 26 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология культуры, социальная и культурная антропология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.10.2021; принята после рецензирования 23.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Scott, J.C. (1990), *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*, Yale Univ. Press, NH; London, USA.
2. Osofsky, G. (1969), *Puttin 'on Ole Massa: The Slave Narratives of Henry Bibb, William Wells, and Solomon Northrup*, Harper & Row, NY, USA.
3. Patterson, O. (1982), *Slavery and Social Death: A Comparative Study*, Harvard Univ. Press, Cambridge, MA, USA.

4. Raboteau, A.J. (1978), *Slave Religion: The "Invisible Institution" of the Antebellum South*, Oxford Univ. Press, NY, USA.

5. Sennett, R. and Cobb, J. (1993), *The Hidden Injuries of Class*, W. W. Norton & Company, NY; London, USA.

6. Hobbis, G. and Hobbis, S. (2013), ""Mon Dieu", Bourdieu: The Magic of the Academy and its Ancestral Cults", *Anthropologica*, vol. 55, no. 2, pp. 441–453.

7. Gell, A. (1988), "Technology and Magic", *Anthropology Today*, vol. 4, no. 2, pp. 6–9. DOI: <https://doi.org/10.2307/3033230>.

Information about the author.

Maksim P. Zamotin – Senior Lecturer at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 26 scientific publications. Area of expertise: sociology of culture, social and cultural anthropology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.10.2021; adopted after review 23.11.2021; published online 24.02.2022.*